

Студии театр.
У Инженерских ворот

8 ИЮН 1986

МОСКОВСКИЙ РАЙОН

г. Москва

Почему пьет Саруханова?

Заметки о спектакле
«Красный угол»

Саруханова пьет. Без шума, без скандалов и дебошей — просто приходит после смены домой в общежитие, выпивает свою «норму» (полбутылку) и ложится спать. Естественно, воспитательница общежития Лика Федоровна очень недовольна Сарухановой и выдвигает ее в красный угол для беседы.

Все это происходит в студии «У Никитинского ворот», в пьесе Марка Розовского «Красный угол», которую сам он и поставил. Но вполне могло бы происходить и в жизни, в одном из настоящих московских общежитий, где живут так называемые «литиничи»: Саруханова — как раз одна из них. Жизнь несты и актуальность пьесы несомненны; впрочем, я думаю, что М. Розовский охотнее снял бы свою пьесу об студийной афише, если бы подобная коллизия стала наконец нежизненной. На пьесу.

Почему Лика Федоровна приходит разговаривать с такой вот Сарухановой, а не, например, пытаться понять, почему она пьет и что сделать, чтобы она перестала. Вопрос этот касается, как вы понимаете, отнюдь не одной Сарухановой и отнюдь не только того общежития, которое изображено в пьесе, — он стал на повестку дня всей нашей жизни, приняты постановления и правительственные указы, направленные на прекращение пьянства. Но постановления и указы неосуществимы без общественной поддержки, общественного обсуждения проблемы. Вот это общественное обсуждение и идет в пьесе М. Розовского.

И по ходу его нам кое-что становится ясно. Ясно, что для Сарухановой пьянство — самый легкий выход из того положения, в котором она оказалась. А положение это заслуживает того, чтобы поговорить о нем подробнее. У Сарухановой нет по сути никаких интересов в жизни. Приехала она из деревни в Москву вот такая — без интересов. Не было их у нее в школе — училась потому, что надо, а заинтересоваться ее какой-либо наукой или каким-нибудь делом в школе не смогли, потому что есть еще в нашей школе немало формализма (учится без доски, не шаят, дисциплину не нарушает — и пора). Так что и красота и труд и красота искусства прошли мимо нее. Стимула у нее нет к нормальной, осмысленной жизни. Виновата в этом и она сама, потому что прошла мимо всего, что могла простодушно взять из нашей жизни, но и общество тоже — потому что многие годы, так сказать, проходили мимо нее, не замечая, что она не хотела замечать, что она растет — полностью инертной. Она никому из тех, кто был в разной мере ответствен за ее судьбу, не мешала, значит, и заниматься ею вроде бы не было смысла — вот в чем дело.

И теперь помешала. — Лика Федоровна, воспитательница; отвечающая за моральный облик своих подопечных. Помешала формально, но и по существу — тоже — Лика Федоровна действительно, ну, все равно, что Саруханова.

Пьет. Не все равно — но до поры до времени — так этого не замечаем, потому что разговаривает она с Сарухановой формально, по какой-то казенной схеме; иначе она не умеет. И потому пасует перед «юридической» логикой Сарухановой: перадок в общежитии на нарушью, если и пью, так на свой заработанные; и никому до этого нет дела, и вообще я с вами разговариваю, так сказать, в порядке обслуживания. А мне пора работы спать хочется; и вообще я пошла.

Первая часть пьесы является наглядной и очень узнаваемой демонстрацией известной техники: нет ключа, одинаково подходящего к любой человеческой душе, иなし, не такие уж редкие попытки такой ключ найти, отыскать метод работы с людьми, который обязательно приносит успех, зарекомендован. Может быть, кому-то и помогут средства, которые Лика Федоровна предлагает Сарухановой: поход в Третьяковскую галерею, поездка в Таллин поездом «Здоровье», пешеходная экскурсия. Но эти средства предполагают изначальную заинтересованность человека в чем-то: в живописи, или в путешествиях, или, наконец, просто в таллинских магазинах. А Сарухановой ничего не интересно, и с ней эти средства не сработают; а другие Лика Федоровна пока найти не может — наглядная иллюстрация беспомощности любого формализма в воспитательной работе: не могут таким образом воспитательница и воспитуемая найти точку соприкосновения, точку контакта.

Лика Федоровна хочет, но не умеет. Саруханова ничего не хочет, кроме того, чтобы ей оставили в покое. — Вот такая немая противостоящая. До поры до времени безмолвие. Но вот в каком-то неуловимом повороте этого тупого для обеих разговора что-то меняется — Лика Федоровна начинает разговаривать о своей жизни, и исходит уверенность в себе и с своим права получить друг друга воспитательница — перед нами женщина, жизнь которой была и остается маленькой, но очень счастливой и поведавшая довольство человеческого горя.

И вот такая женщина как раз и может поддаться на Саруханову — та ведь тоже одинока (оттуда и пьет) и тоже не очень счастлива. Вот здесь-то и скрывается парадокс, ради которого написал свою пьесу и поставил спектакль Марк Розовский, — когда взрослый человек пытается воспитывать взрослого, он не должен возвышаться над воспитуемым ни в

смысле более высокой должности, ни в смысле более благополучия и правильной индивидуальности. Только на равных, только от души к душе (а это невозможно, если не на равных), только на полной откровенности — тогда есть вероятность, что твоя жизнь и твоя личность прикоснется к другой жизни, к другой личности и сможет что-то изменить в ней. Только на равных — в этом, собственно говоря, и есть секрет всякого воспитания.

Вот тогда между Ликой Федоровной и Сарухановой возникает робкая, еще осторожная и большое взаимопонимание, первый контакт. И мы уже начинаем убеждаться, что если он продолжится, то ведущая в нем будет как раз Саруханова — в ней угадывается натура как раз сильная. А Лика Федоровна пойдет за ней — она вообще куда угодно готова пойти и что угодно сделать, лишь бы Саруханова перестала пить.

А она наверняка перестанет — потому что радом появился человек, которому она нужна, и жизни теснее.

Историю эту играют две самодельные актрисы. И если М. Рассказовая (Лика Федоровна) еще можно предъявлять некоторые небольшие технические претензии (когда она на сцене без слов, то машинально торопится, чувствует себя несколько неуверенно), то И. Знаменникова в роли Сарухановой безупречна — она сумела передать и авторность психики, идущую от пьянства, и одиночество, и покинутость человека, который уже ничего не ждет от жизни, которому все неинтересно, и первая проблема — пробуждение интереса. Самодельные актеры в одном смысле представляют собой парад профессионализма — то, что последние должны иметь и находить с помощью таланта и наблюдательности, зарплата не нужно искать вообще: они живут общей с нами жизнью, не наблюдая ее, а живут ею; и для них вся проблема в умении воплотить ее. В данном случае воплощение — на высоком уровне: в какой-то момент забываешь, что ты в театре (то есть не забываешь до конца, но впечатление именно такое).

Вопрос, поставленный в заголовке этой реценции, до сих пор, к сожалению, остается актуальным — борьба, которую общество ведет против пьянства, еще далека от завершения. И в высшей степени актуален спектакль Марка Розовского — потому что он не только ставит вопрос, но и ищет ответ на него.

Ю. СМЕЛКОВ.